

АБРАМОВ ГОРОДОК КАК НИЖЕГОРОДСКАЯ КРЕПОСТЬ, КОТОРУЮ В 1505 г. ШТУРМОВАЛ КАЗАНСКИЙ ХАН МУХАММЕД-ЭМИН

Статья открывается обзором историографии вопроса о характере нижегородских укреплений, возведенных в 1500 году. Автор доказывает, что это была деревянная крепость. По предположению автора, она в народе неофициально именовалась «Абрамов городок». Её, как считает автор, строили выходцы из Великого княжеского Литовского, взятые в плен в 1500 г. в битве на реке Ведрошь. Именно Абрамов городок осаждал в 1505 г. казанский хан Мухаммед-Эмин. Автор приводит аргументы в пользу того, что воспоминания об этой осаде легли в основу легенды об Абрамовом городке, записанной П. И. Мельниковым-Печерским.

Ключевые слова: Нижний Новгород, Нижегородский кремль, Абрамов городок, Мухаммед-Эмин, деревоземляные крепости, П. И. Мельников

4 сентября 1505 г., в день свадьбы сына Ивана III, Василия, на Соломонии Сабуровой, в Москву было доставлено известие о том, что 30 августа через реку Суру переправилось казанское войско (Илюшин, 2018. С. 32). Вскоре казанцы во главе с ханом Мухаммедом-Эмином появились у стен Нижнего Новгорода, но взять его не смогли.

Это событие на века осталось в памяти нижегородцев. Какое же именно укрепление заставило отступить хана Мухаммеда-Эмина?

П. И. Мельников считал, что нижегородцы защищали «деревянную крепость» – каменного «кремля ещё тогда не было» (Мельников, 1845. С. 30–32). Более сложной была концепция Н. И. Храмцовского. Тот полагал, что в 1372 г. нижегородский князь Дмитрий Константинович построил каменную Дмитриевскую башню с небольшим участком стены. В 1500 г. Иван III «приказал продолжать работы», начатые Дмитрием Константиновичем. Но дело опять не завершили, всё кончилось возведением, «так же, как и в 1372 году одной башни, названной Тверской (нынешние Ивановские ворота), и небольшой при ней цитадели». Таким образом, согласно Храмцовскому, в начале XVI в. нижегородские укрепления включали две каменные цитадели с Дмитриевской и Тверской (Ивановской) башнями, соединенные дубовым «старым городом» (Храмцовский, 1998. С. 70, 216).

Известие о Тверской башне, построенной в Нижнем Новгороде в 1500 г., имеется в Соликамском летописце в изложении В. Берха. С. Л. Агафонов, сославшись на него, сделал вывод о том, что в 1500 г. начались работы по возведению каменного Нижегородского кремля. По Агафонову они были через какое-то время прерваны, затем производились «с 1508–1512 годов». Тверскую башню Соликамского летописца С. Л. Агафонов, как и Храмцовский, отождествил с Ивановской башней каменного кремля «поскольку эта башня находится в

наиболее ответственном месте обороны, защищая торговый посад и пристани, безопасность которых должна была быть обеспечена в первую очередь» (Агафонов, 2008. С. 29, 31, 33).

С. Л. Агафонов предположил, что «именно законченная в начале XVI столетия Ивановская башня с прилегающим к ней участком стены заставила отступить многотысячное татарское войско, обложившее город в 1505 году» (Агафонов, 2008. С. 31). Однако если в 1505 г. была готова только Ивановская башня «с прилегающим к ней участком стены», что мешало Мухаммеду Эмину ударить с неукрепленной напольной стороны?

Разумеется, недоделанная крепость не смогла бы выдержать осаду. Поэтому следует признать правоту Н. Ф. Филатова, считавшего, что каменный кремль начали возводить в 1509 г., а Мухаммед-Эмин штурмовал деревянную крепость. Для Н. Ф. Филатова это были «старые рубленные кремлевские стены». Достоверность известия о закладке в 1500 г. в Нижнем Новгороде Тверской башни ученый отрицал, считая, что в Соликамском летописце речь шла о Новгороде Великом, а не Нижнем (Филатов, 1994. С. 9; Нижегородский край..., 1997. С. 49–50; Филатов, 2003. С. 89–90). Однако введение В. И. Бугановым в научный оборот Краткого Московского летописца конца XVII в., где говорится о том, что «Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню» (Буганов, 1976. С. 290), заставляет признать строительство Тверской башни фактом нижегородской истории.

Интересную интерпретацию этого летописного известия сделал А. А. Пудеев, предположивший, что около «1500 года была предпринята попытка ремонта деревянных стен Нижегородского кремля» (Пудеев, 2013. С. 178). Автор полностью согласен с А. А. Пудеевым в том, что материалом для постройки Тверской башни (и всей «крепости 1500 г.»), являлось дерево. Сооружения из камня тогда представляли собой столь редкое явление, что будь названная башня каменной, летописец, непременно, упомянул бы об этом. Но идея А. А. Пудеева о предпринятом в 1500 г. «ремонте» старых крепостных стен вызывает возражения.

Мнение А. А. Пудеева основывается на представлениях историков XIX–XX вв., уверенных в непрерывности истории развития Нижнего Новгорода и, следовательно, о преемственности его оборонительных сооружений, с XIII по XVI в. Однако данные археологических раскопок конца XX – начала XXI вв. показывают, что большую часть XV в. территория современного кремля не была заселена (Гусева, 1996. С. 23; Николаенко, 2005. С. 114). Это вполне объяснимо, учитывая разрушительные последствия набега Едигея (1408 г.) и других трагических для Нижнего Новгорода событий XV в. В этой связи Н. Н. Грибов выдвинул гипотезу о том, что «Нижний Новгород Старый», упоминаемый в письменных источниках, повествующих о событиях XV в., – это лежавшая в запустении территория кремля, а «Нижний Новгород меньшей» – археологический объект «Городок» на ул.

Шевченко (небольшая крепость, возведённая московскими властями) (Грибов, 2005; Грибов, 2018).

Нам аргументы Н. Н. Грибова представляются убедительными. Исходя из них, мы полагаем, что в 1500 г. «старых» деревянных кремлевских стен не существовало и ремонтировать, поэтому было нечего. Тем более что и лексика Краткого московского летописца («заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню») однозначно свидетельствует не о ремонте, а закладке новой крепости.

Где же она располагалась? Ориентиром для нас должна быть Тверская башня. Выше уже приводилась догадка Н. И. Храмцовского о том, что под Тверской имеется в виду каменная Ивановская башня. Однако данное суждение не имеет опоры в источниках, в отличие от альтернативного мнения И. А. Кирьянова, для которого Тверской башней была Кладовая (Трофимов, Кирьянов, 1952. С. 327; Кирьянов, 1956. С. 21).

Кирьянов основывался на изложение росписи казенного имущества, составленной в 1663 г., при переходе города от воеводы Дмитрия Плещеева к Александру Салтыкову, и переписанной П. И. Мельниковым в Москве в архиве МИД. Подробный пересказ этого документа, со своими комментариями, П. И. Мельников в 1877 г. послал А.С. Гацискому. Тот напечатал его в примечаниях к публикации «Нижегородского летописца». Вот отрывок указанного текста, касающийся Тверской башни: «Алексеевская башня (иначе: Тверская, между Дмитровской и Никольской) имела в верхнем бою пищали: полуторную медную, из Казани, на станке, при ней 15 ядер по 7 гривенок, медную волконю, на станке, с 150 ядрами...» (Гацицкий, 2001. С. 691).

Возможно, уточнение, данное в скобках (о том, что Алексеевская башня иначе называлась Тверской), принадлежит самому П. И. Мельникову и отсутствовало в описи 1663 года. Но тогда он взял его из какого-то другого источника, и мы не можем эту информацию игнорировать. Тем более, что источники, прямо именующие современную Кладовую башню Тверской, действительно существуют. Они были введены в научный оборот И. В. Нестеровым. Один из них относится к XVIII в. (план кремля 1770 г.) и два – к XIX веку (Нестеров, 2013. С. 145, 148–149).

Отметим, что авторы планов XVIII–XIX вв., видимо, обладали не дошедшими до нас письменными источниками (источником?) по ранней истории Нижегородского кремля. Только этим можно объяснить использование названия «Тверская» по отношению к Кладовой башне, в то время как в документах XVII в. она по близлежащим церквам значится «Вознесенской» или «Алексеевской».

В этом убеждает ещё один факт: на плане 1830-х гг. архитектора И. Е. Ефимова Коромыслова башня называется «Карамышевской» (Гацицкий, 2001. С. 693). Указанное

название может напоминать о человеке по имени Карамыш. Видимо когда-то он был хорошо известен нижегородцам. Потом память о нём исчезла, и народная молва переименовала ставшее непонятным наименование Карамышевской (Карамышевой) башни. Она стала Коромысловой.

Примеры, когда башня получала название от имени какого-то человека известны. Вспомним, например, Беклемишевскую башню Московского кремля. Рядом с ней стоял двор боярина Беклемишева.

Мог ли рядом с Карамышевской башней в Нижнем Новгороде находиться двор некоего Карамыша? Да, мог.

Михаил Федорович Карамыш Курбский в 1497 г. являлся наместником соседнего Муром. В XV в. этот город соединяла дорога с Казанью, шедшая через юг современной Нижегородской области. По ней через полвека пройдет Иван Грозный. Установление с 1487 г. в Казани власти союзных Московскому государству ханов потребовало налаживания более удобной и быстрой связи с этим городом – водной и сухопутной. В связи с этим выросло значение возродившегося после запустения Нижнего Новгорода. В 1495 г. через Нижний был отправлен отряд войск, чтобы помочь казанскому хану Мухамеду-Эмину отразить нападение сибирского царевича Мамука. На следующий год Мухамед-Эмин, всё-таки лишившийся трона, нашёл убежище в Нижнем Новгороде. Не исключено, что в 1500 г. Михаил Карамыш ходил в Казань для помощи хану Абдул-Летифу против напавших на него ногайцев тоже через Нижний Новгород. Исходя из приведённых фактов существование в Нижнем Новгороде двора муромского наместника – Михаила Карамыша Курбского – вполне вероятно.

Понятна и логика московских властей, решивших в 1500 г. возвести в Нижнем Новгороде крепость.

Почему же Кладовая башня сменившего её каменного кремля в начале своего существования именовалась Тверской? Рискнем предположить, что в память о своей предшественнице – Тверской башне деревянной крепости 1500 года.

Происхождение названия Тверской башни очевидно связано с присутствием в Нижнем Новгороде тверской рати, частично прибывшей в Нижний Новгород после победы над литовцами при реке Ведроши. В этом сражении, состоявшемся в июле 1500 г., решающую роль сыграл выдающийся полководец Даниил Щеня, командовавший «тверской силой» (Алексеев, 2009. С. 382, 385). Он пленил большое количество вражеских воинов, которые были сопровождены им в Нижний Новгород. «Огненные стрельцы литовския, рекомые желныри», – сообщает «Казанский летописец», – «Яты быша на бою, когда побили Литовскую силу на Ведроши храбрыи воевода Московский князь Данило, Щеня прозвищем, 12 воевод великих изыма; с ним же приведены те стрельцы и ту заточены в Нижнем, в темницах сидяху». Тот же источник дает сведения о количестве пленников, содержащихся в Нижнем Новгороде на

момент прихода Мухаммеда-Эмина: «И мало бе их числом, – только 300 человек осташихся живых, ини ибо в темницах изомроша» (История о Казанском царстве..., 2000. Стб. 24–25).

Соответственно, когда пленники были приведены в Нижний Новгород их было значительно больше. Для их размещения требовалось охраняемое пространство, крепость, которую, конечно, начали строить сразу после того как тверские ратники доставили литовцев в Нижний Новгород. Именно об этом и повествует приведенное выше известие Краткого Московского летописца («Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню»). Скорее всего, тверские ратники разместились рядом с воротами возводимой крепости. Поэтом защищавшая их башня в памяти нижегородцев осталась как «Тверская». Вся же крепость, по предположению автора, в народе неофициально именовалась «Абрамов городок».

Изложим кратко суть нашей гипотезы. Легенда об Абрамовом городке известна нижегородским краоведам со слов П. И. Мельникова-Печерского. В своём произведении «Очерки мордвы» он привел это предание. Вот оно: «из-за Кудьмы-реки мордвин Абрамка пришел на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом». «Было у него четырнадцать сыновей и три дочери, и построил Абрамка семнадцать домов». Это и был «Абрамов городок». (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286–287). К Абрамову городку подошли русские во главе с «мурзой». Они завладели городком и сожгли его.

Теперь попробуем объяснить происхождение легенды об Абрамовом городке. Во-первых, укажем, что она не является мордовской. П. И. Мельников характеризует её как «русское предание» (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286). Но если мордва могла назвать русского правителя «мурзой» (такие примеры в фольклоре есть), то русские, конечно, никогда бы так не сделали. Под «мурзой» они должны были понимать только татарина или ногайца. Следовательно, в изначальном, варианте легенды речь шла о татарском/ногайском мурзе. Причем, сложился этот рассказ, несомненно, в Нижнем Новгороде – там очень много деталей, указывающих на конкретные места в городе, в частности на «архиерейский дом» (современное здание консерватории). Именно там Абрамка построил семнадцать домов. Это исторический центр Нижнего Новгорода (улица Пискунова, дом 40).

А теперь важная информация об Абрамке. Оказывается, он был «панком», т.е. «правителем» мордвы, – поясняет Мельников-Печерский (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286).

Итак, ядром легенды является информация о том, что «панок» Абрамка построил деревоземляную крепость, топография которой точно соответствует нижегородским реалиям, а её осаждал «мурза». Могло ли что-то подобное иметь место в действительности? Да, могло, причем только один раз, а именно в 1505 г., когда Нижний Новгород выдержал осаду

казанского хана Мухаммеда-Эмина и его шурина – ногойского *мурзы*. Гибель мурзы, которого поразил из огнестрельного оружия один из литовских пленников, вызвала сумятицу среди казанцев и ногойцев и сыграла решающую роль в спасении города. Поэтому вполне естественно, что образ мурзы запечатлелся в народной памяти.

Литовцы в награду за свой подвиг получили свободу (История о Казанском царстве..., 2000. Стб. 25). Но мало кто из них ушёл в свою землю. Многие остались в Нижнем Новгороде. В городе возникла Панская слобода – так её называли нижегородцы. «Паны», – объясняет Владимир Даль в своём словаре, – «в разных русских губерниях ляхи и литва, переселенные в давние войны в виде ссылки». В этой же словарной статье великий лексикограф объясняет, кто такие «панки»: если пан – это барин, боярин, то панок – «полупан, небольшой». Правда здесь Даль приводит и другое значение указанного понятия: панки – «забытые потомки мордовских князей, как мурзы у татар» (Даль, 2007. С. 15).

Без сомнения, такое толкование слова «панки» Далю сообщил его друг по Нижнему Новгороду, П. И. Мельников, не раз поставлявший Владимиру Ивановичу сведения для его словаря. Но то предание, которое записал Мельников, уже успело за триста лет утратить изначальный смысл. По нашему мнению, в его первом варианте панок Абрамка был литовским пленником, а не мордвином. Ведь специалисты знают, что у мордвы бытовали такие социально-политические термины как «инязор» («великий хозяин») и «оцязор» («большой хозяин»), а слово «панок» – чисто славянское, характерное для Великого княжества Литовского. Характерно, что Н. И. Храмцовский и А. С. Гациский, оба имевшие польское происхождение и прекрасно знавшие, кто такие «панки», подробно воспроизводя легенду, никогда так Абрамку не называли (Храмцовский, 1998. С. 21–23; Гациский, 2001. С. 43–44). Определение «панок» указывает на то, что Абрамка не принадлежал к литовской знати, а был «полупаном». Об этом же говорит и уменьшительный характер имени – «Абрамка», вместо «Абрам».

Теперь обратимся к анализу самого этого имени. Для мордвы оно нехарактерно, даже после принятия православия, а в XII в. существование мордвина Абрамки невероятно. Зато среди русского населения библейское имя Авраамий в разных вариантах (Аврам, Абрам, Авраамка, Абрамка) было не такой уж редкостью. Поэтому Абрамка – белорус или смолянин – вполне мог оказаться среди литовских пленников Даниила Щени и быть их выборным представителем или начальником – панком.

Разумно предположить, что в этом качестве Абрамка руководил строительством крепости, возведенной литовскими пленниками. От его имени она и получила среди нижегородцев название «Абрамов городок». Важно подчеркнуть, что территориально она не совпадала с каменным кремлем. Иначе бы об Абрамовом городке быстро забыли. Легенду

подпитывали какие-то зримые остатки Абрамова городка, происхождение которых каждое новое поколение нижегородцев должно было себе объяснить. Где же они находились? И как располагалась сама крепость?

У нас уже есть два ориентира: Кладовая башня и «архиерейский дом» (улица Пискунова, дом 40). Вот ещё несколько важных подробностей из легенды: «В городке своем Абрамка устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми растворами, и завалил их землей; другие – Тайницкие, у Коровьего взвоза, на север, из которых ходили за водой на Волгу» (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 286–287).

Ворота «с южной стороны вала» – это, несомненно, ворота известной нам по сообщениям Соликамского и Краткого Московского летописцев Тверской башни, находившиеся около современной Кладовой башни. К ним подходила дорога из Муром (нынешняя улица Большая Покровская).

Почему Абрамка завалил их землей? Очевидно, когда складывалась легенда, они уже не использовались и стали оседать, уходя под землю, что и породило названное объяснение.

Теперь о Коровьем взвозе. Этот объект тоже реально существовал и имел четкую топографическую привязку. «Коровий взвоз», – рассказывает читателям Мельников, – «так называли съезд с верхней части Нижнего Новгорода к Волге, от церкви Св. Георгия, что близ архиерейского дома» (Незнакомый Павел Мельников..., 2011. С. 287). Отметим, что этот топоним упоминается в Писцовой книге XVII века (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 286, 290). Согласно этому надежному источнику на месте выхода на волжский откос улицы Пискунова стояла башня древо-земляного острога, а в ней были проезжие ворота. За острожной башней с откоса сбегал Коровий взвоз – спуск к Волге (Селезнев, Данилов, 2021. С.7). Внизу был перевоз через Волгу на Бор.

В Писцовой книге указанный острог назван «Новым». Он был построен «ново по старинной осыпи» (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 78). Сообщению Писцовой книги об этом полностью соответствуют археологические данные. В 2007 г. во дворе историко-архитектурного музея (Верхне-Волжская наб., д.7) И. В. Ануфриева зафиксировала часть насыпи острожного вала. Насыпь доходила до современной каменной ограды, идущей вдоль красной линии улицы Пискунова. В насыпи вала четко выделялись два разновременных горизонта. Верхний горизонт можно уверенно соотнести с валом Нового острога (1618 г.), о котором идет речь в Писцовой книге. Нижний горизонт значительно древнее (Ануфриева, 2008. С. 43).

Такая же картина открылась археологам при раскопках напротив Речного училища. В разрезе вала были обнаружены остатки бревенчатого соснового частокола, проходившего по его вершине. Это следы Нового острога, при спешном возведении которого использовался

«лес сосновой и всякой» (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 15). А в нижней части вала, прорезая всю его толщу, размещалась, как писал И. А. Кирьянов, «независимая от частокола конструкция из мощных дубовых бревен», значительно более раннего происхождения. По мнению И. А. Кирьянова есть основания полагать, что это были «остатки укрепления, строительство которого было начато Борисом Константиновичем и завершено, видимо, уже его преемником Дмитрием Константиновичем» (Кирьянов, 1961. С. 31–32). Соответствующую информацию (о том, что на этом месте находились деревоземляные укрепления, предположительно возведенные во второй половине XIV века) можно прочесть на табличке, прикрепленной к бревнам, вбитым в гребень вала и представляющим собой современную реконструкцию фрагмента средневекового острога.

Связывая возведение указанной оборонительной линии с именем князя Бориса Константиновича, И. А. Кирьянов опирался на сообщение Рогожского летописца под 1363 г. о том, что «князь Борис заложи город сыпати» (Рогожский летописец, 1922. Стб. 74).

Однако, по нашему мнению, маловероятно, чтобы Борис, захвативший тогда Нижний Новгород и ожидавший в скором времени нападения со стороны брата-соперника Дмитрия, мог затеять такое большое строительство. Осуществить его за то краткое время, что он владел Нижним Новгородом, Борис тем более не мог. Да и не располагали нижегородские земли сразу после эпидемии чумы и опустошительных пожаров достаточными ресурсами для проведения столь крупных фортификационных работ. Поэтому нами в 2013 г. была предложена альтернативная версия. Как полагает автор, князь Борис «заложи город сыпати» не по линии современной улицы Пискунова, а на Часовой горе, стремясь защитить княжеский дворец, Михайло-Архангельский собор и дворы своих дружинников (Селезнев, 2013. С. 44–49). Соответственно «старинная осыпь» Писцовой книги – это не город Бориса Константиновича XIV века, а Абрамов городок начала XVI века, творение пленного мастера из Великого княжества Литовского.

На эту мысль нас наводят и археологические данные, введенные в научный оборот И. А. Кирьяновым. Как известно, обычным элементом русской средневековой крепости-города были «городни» – четырехугольные срубы. Однако в нижнем горизонте вала близ Речного училища их нет. Там обнаружено укрепление совсем другого типа. «В сторону поля» бревна были «уложены в два ряда, образуя стену, закрытую насыпью». Эта стена «удерживалась бревнами, заложенными поперек вала по всей его ширине» (Кирьянов, 1961. С. 32).

Из описания И. А. Кирьянова видно, что речь идет о так называемой «перекладной» технике сооружения крепостных стен. Стены указанного типа назывались «крюковыми» или «хаковыми» (от польского hak – «крюк»), поскольку на концах поперечных бревен-балок, выступавших торцами наружу, оставляли сучки. Эти сучья-крюки удерживали внешний ряд

бревен в строго вертикальном положении. Такой способ возведения оборонительных укреплений был распространен в Польше и Западной Руси (Минск, Витебск, Слуцк и др.) (Коваль, 2021. С. 82–83). Это является косвенным, но весомым аргументом в пользу нашей гипотезы о том, что данную крепость – Абрамов городок – строили выходцы из Великого княжеского Литовского.

Естественно построенный таким необычным для нижегородцев способом городок остался в их памяти. По нашему мнению, именно о названном сооружении идет речь в сообщении «Летописца о Нижнем Новгороде» за 7021 (1513) год: «Августа въ 3 день погоре Новъгород Нижъней, и дубовая стена и въсе дворы погореша во граде...» (Шайдакова, 2006. С. 132). Как видим непривычная по виду для нижегородцев «дубовая стена» выделена здесь особо.

Где же она стояла?

Новый острог, что «поставлень ново по старинной осыпи», т.е., как мы полагаем, по линии Абрамова городка, начинался от Георгиевской башни каменного кремля, шел по линии Верхне-Волжской набережной до усадьбы Рукавишниковых. На её месте в 1618 г. была построена проезжая Егорьевская башня Нового острога. Именно здесь должны были стоять Тайницкие ворота Абрамова городка.

Отсюда стена Нового острога и предшествовавшая ей стена Абрамова городка («старинная осыпь») сворачивали на юг по улице Пискунова. Линия Нового острога соответствовала этой улице до самого конца – до Почайнского оврага. Этого нельзя сказать о «старинной осыпи». В Писцовой книге «отъ новыхъ же острожныхъ отъ Варварскихъ воротъ направо» указывается уже «новая осыпь» (Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду..., 2011. Стб. 151).

В каком месте улицы Пискунова «новая» осыпь сменила «старинную»? По нашему мнению, это произошло на углу современных улиц Ульянова и Пискунова. Дело в том, что улица Пискунова составлена из двух улиц XIX в. – Малой Печерской и Осыпной. И улица Осыпная, название которой и дала «Новая осыпь», начиналась как раз от указанного перекрестка. Здесь же завершалась улица Малая Печерская, шедшая от усадьбы Рукавишниковых.

История двух Печерских улиц – Большой и Малой – весьма любопытна. Большая Печерская возникла на дороге от Печерского монастыря к его нижегородскому подворью, занимавшему территорию современного Мининского университета. Поэтому к ней, согласно Писцовой книге XVII в., принадлежал ещё и участок нынешней улицы Ульянова от площади Минина и Пожарского до пересечения с Пискунова. Таким образом, Большая Печерская XVII века, как пишет Н. Ф. Филатов, начиналась от Благовещенской (Минина и Пожарского)

площади и огибала территорию будущего Архиерейского сада (Филатов, 1994. С. 91), включая указанный кусочек улицы Ульянова и участок улицы Пискунова (в XIX в. – Малой Печерской).

Как возник этот изгиб?

Ответить на этот вопрос помогает очень плодотворная мысль В. Ф. Черникова. Он писал, что «самые древние улицы в нагорной части города берут своё начало от проезжих башен». Через них они радиальными лучами расходятся от первоначальной крепости, являвшейся ядром Нижнего Новгорода. В отличие от древних, «новые» улицы (улицы XVIII в.) «имеют дугообразную, полукольцевую планировку». Такая конфигурация этих улиц «обуславливалась тем, что они стали складываться на месте разрушавшихся дерево-земляных укреплений – острогов» и «местами точно воспроизводят местонахождение этих укреплений». Далее В. Ф. Черников объяснил, почему так произошло: улицы XVIII в. «появились на как бы ничейной городской земле» (которую прежде занимали стены) (Черников, 2010. С. 105).

По той же схеме, но на век раньше, на месте разрушившегося Абрамова городка, возник указанный изгиб Большой Печерской. Он показывает направление стен Абрамова городка, которые по линии улицы Ульянова от её пересечения с улицей Пискунова через площадь Минина и Пожарского шли к Тверским воротам у нынешней Кладовой башни. Заканчивалась стена Абрамова городка, по нашему предположению у кромки Почайнского оврага.

Существовал Абрамов городок недолго. По нашему мнению, о гибели этого сооружения повествует «Летописец о Нижнем Новгороде» в статье за 1513 год: «Лета 7021-го году. Августу въ 3 день погоре Новъгород Нижънеи, и дубовая стена и въсе дворы погореша во граде...» (Шайдакова, 2006. С. 132).

Появление в 1508–1513 гг. каменного нижегородского кремля и Большого острога сделало Абрамов городок не нужным, и восстанавливать его не стали. Но мощный вал ещё долго о нём напоминал и породил легенду об Абрамовом городке.

Список источников и литературы

Агафонов С. Л. Нижегородский кремль / Под ред. И.С. Агафоновой, А.И. Давыдова. Н. Новгород: Кварц, 2008. 224 с.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2009. 464 с.

Ануфриева И. Скрытые под асфальтом // *Nota bene* [Нижний Новгород]. 2008. № 3. С.39–43.

Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // *Летописи и хроники*. 1976. М.: Наука, 1976. С.283–293.

Гациский А. С. Нижегородский летописец: издательство «Нижегородская ярмарка», 2001. 716 с.

Грибов Н.Н. Русское городище XV века из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Выпуск 9. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2005. С.69–82.

Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV: поиски утраченного города / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Гусева Т.В. Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. Материалы историко-краеведческой конференции, посвященной 775-летию Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: Управление культуры Администрации города Н. Новгорода, 1996. С.16–23.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.3: П–Р. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 576 с.

История о Казанском царстве (Казанский летописец). ПСРЛ. Т. XIX. М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.

Илюшин Б.А. «Война лета 7014»: Московско-Казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ. 2018. 128 с.

Кириянов И.А. Нижегородский кремль. Очерк истории кремля в г. Горьком. Горький: Горьковское книжное издательство, 1956. 116 с.

Кириянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья: Очерк о старинных русских дерево-земляных крепостях. Горький. 1961. 107 с.

Коваль В.Ю. Древнерусские дерево-земляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С.77–85.

Мельников П.И. Жолныряне, спасшие Нижний Новгород в 1506 году // Нижегородские губернские ведомости. 1845. Часть неофиц. № 3. 20 янв. С.30–32.

Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Нижний Новгород: издательство «Книги», 2011. 544 с.

Нестеров И.В. Названия башен Нижегородского кремля // Записки краеведов. Выпуск четырнадцатый. (Сост. О.А. Рябов). Нижний Новгород: издательство «Книги», 2013. С.144–149.

Нижегородский край: факты, события, люди. Изд. 2-е, доп. и перераб. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. 375 с.

Николаенко Т.Д. Нижний Новгород XIII–XV вв. по письменным и археологическим источникам (краткий очерк) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Выпуск 9. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2005. С.87–129.

Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М. – Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2011. 352 с.

Пудеев А.А. К вопросу о начальной дате строительства Нижегородского кремля // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Выпуск 3 – 4. 2012 – 2013 / Под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. Нижний Новгород: М-Принт, 2013. С.175–184.

Рогожский летописец. (Полное собрание русских летописей. Том XV.). Пг., 1922.

Селезнев Ф.А. Нижегородское княжество и Золотая Орда в начале «великой замятни» (1357 – 1370 гг.) // История в подробностях. – 2013. № 8 (38). – С.44 – 49.

Селезнев Ф.А., Данилов А.В. Расположение Нового острога в Нижнем Новгороде XVII века // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 6 /сост. науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С.5–15.

Трофимов И.В., Кириянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Под редакцией Н.Н. Воронина. Крепостные сооружения Древней Руси. М.: изд-во АН СССР, 1952. С.319–346.

Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX в. Нижний Новгород: Редакционно-издательский центр «Нижегородские новости», 1994. 256 с.

Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород: типография ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 206 с.

Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: издательство «Нижегородская ярмарка», 1998. 608 с.

Черников В.Ф. К вопросу о датах строительства дерево-земляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 11. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2010. С. 104–122.

Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В.А. Кучкина. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 281 с.